

ВСЕСОЮЗНАЯ АКАДЕМИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

АГРОБИОЛОГИЯ

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
академика Т. Д. ЛЫСЕНКО

6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1947

ОГИЗ — «СЕЛЬХОЗГИЗ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М О С К В А

СОВЕТСКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ДАРВИНИЗМ

И. И. ПРЕЗЕНТ

Доктор биологических наук

Тридцатая годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции знаменует собой тридцать лет великих побед советского народа во всех областях хозяйства и культуры.

Большие победы одержала и советская наука. Только в нашей стране, благодаря завоеваниям Октября, наука поистине стала массовой, народной. То, о чем мечтали наиболее передовые ученые мира, — приобщить народ к культуре, к науке — осуществилось на нашей советской земле. Широкие массы советского народа — это не просто потребители, практически использующие завоевания науки. Это — создатели науки, творчески участвующие в ее победном шествии. Стахановцы во всех областях промышленности, колхозники-опытники во всех областях агрономии внесли и вносят огромный вклад в науку. Это они — стахановцы и опытники — подхватывают и конкретизируют любое действительно научное завоевание; это они — новаторы промышленности и сельского хозяйства — являются возбуждающим, двигающим нервом передовой науки. Такого содружества специалистов ученых с массами народа в деле создания передовой науки нет и не может быть в буржуазных странах, где науке отводится позорная роль: работать на кучку магнатов капитала, увеличивать их наживу, а также теоретически и идеологически оснащать замыслы и козни международных хищников-империалистов.

Только в раскрепощенной Великим Октябрем Стране Советов наука обрела истинную свободу, гордое право и благородную обязанность служить всему трудовому народу. И на этих новых путях наука пышно расцвела.

Большие качественные сдвиги произошли и в советской биологической науке. Ее коренное превосходство над биологической наукой Запада и Америки — в высоком идейно-теоретическом уровне и в осознанной практической целеустремленности.

Теоретической основой биологической науки в нашей стране является творческий дарвинизм.

* *

*

Советская биологическая наука освоила высшее теоретическое достижение прогрессивной биологической мысли — дарвинизм. Некогда дарвинизм был порожден расцветом буржуазной цивилизации. Но его прогрессивные идеи, утверждающие историческое воззрение на природу, были опасны для апологетов регресса, желавших внедрить в головы трудящихся ложную идею неизменных законов, чтобы, ссылаясь

на них, навечно узаконить эксплуататорский строй жизни как строй естественный, вечный и неизменный. И вскоре же, вместе с закатом капиталистического строя, с движением его к последней его ступени — к империализму — «ученые» апологеты эксплуатации и просто ретрограды объявили поход против дарвинизма и дарвинистов. В этих попытках ниспровергнуть дарвинизм идеологи буржуазной науки не считались и не считаются со средствами: здесь полностью господствовало и господствует иезуитское правило. В Америке против дарвинизма были спущены ку-клукс-клановские цепные псы, которые, объединившись в союз фундаменталистов, поставили себе целью контролировать духовную культуру и изгонять эволюционное учение. Вождь фундаменталистов Брайан заявил, что «эволюционная теория — угроза для цивилизации», а в одном из номеров своего журнала «Оборона» фундаменталисты пугали американского обывателя неким «художественным произведением», в котором нарисован человек со зверской физиономией, с огромной бомбой в руках. На бомбе — надпись: «эволюция», а под фигурой — подпись: «Красный русский бандит».

Но такого рода мракобесным кривлянием не спасешь «цивилизацию», как она мыслится заправилам из Уолстрита и Лондон Сити, двумстам семейств Франции и другим королям современного капиталистического строя. Для отравления сознания масс оказались необходимыми более тонко действующие средства и в качестве таковых выдвинуты «новейшие достижения науки», которые, якобы, ниспровергают дарвинизм и требуют возврата к метафизическим категориям. Современного читателя трудно соблазнить, например, утверждением, что мир организмов был создан единовременно в таком виде, как он ныне существует. Но когда ему преподносят следующую цепь рассуждений: образование новых форм происходит только путем тех или иных изменений или перемещений «генов» в хромосомах; такого рода изменения не могут образовать новые семейства, или другие еще более широкие группы животных и растений, — то читатель, «на основании последних данных науки», так сказать, «под давлением фактов», может послушно следовать утверждению Дакке и многих других западных и американских палеонтологов, и поверить, что различные типы (филы) животных и растений не имеют общих эволюционных корней, что они созданы независимо и в течение всей истории органического мира границы типа не были нарушены. От буржуазных палеонтологов не отстают и буржуазные систематики. Орнитолог Дуглас Дьюар, допуская эволюцию видов и родов, считает, что семейства и другие еще более высокие категории не знают эволюции и, будучи единовременно сотворены, лишь заселяют новые места, сохраняя при этом в неприкосновенности свои признаки как семейства, класса и т. п. Другой систематик, профессор из Монпелье Виальтон, утверждал, что типы организации созданы независимо и в последующем имела место лишь их «диверсификация», т. е. распадение на подчиненные группы. Производя обзор эволюции в свете «современной критики», английский биолог Дэвис¹ ставит точку над «и» и пишет по поводу этих воззрений, что, «когда вновь сотворенный предок нового семейства принадлежит к тому же надсемейству (*super family*), подпорядку или порядку, как и существующее семейство, сотворение, может быть, сводится не более как к «скачку», слишком значительному, чтобы его можно было бы объяснить обыкновенными изменениями хромосом. Мы можем, например, предположить, что первые

¹ Davies, A. M. *Evolution and its modern critics*. London, Thomas Murby, 1937.

члены любого нового семейства птиц произошли из яиц, отложенных птицами какого-нибудь существующего вида, но видоизмененных творческой силой так, что из яиц вылупились птицы нового типа, выведенные подобно кукушкам».

Дьюар говорит о «творческой силе», «холист» Ян Сматс и его последователи говорят о «целостности»; микробиолог Вольтерек ратует за «внепространственную, нематериальную активность»; Берталанфи, Рильяно, Бляйэр, Майер и др. так называемые «организмисты» проповедуют некую «организмическую энергию», которая придает организмам независимую от истории и от условий существования изначальную целесообразность; барон фон Хюне объявляет последним словом биологической науки некий «организующий принцип». И все эти, скорее «направленьица», нежели направления современной биологической мысли в буржуазных странах по существу придумывают разные наукообразные псевдонимы господу богу, как удачно по поводу барона фон Хюне отметил это советский палеонтолог дарвинист Л. Ш. Давиташвили².

В 1929 г. в Германии собрались на совещание палеонтологи и генетики различных буржуазных стран, чтобы установить единую платформу по общим вопросам биологии. Им это не удалось. Однако в одном они были единодушны: в противопоставлении своих «измов» дарвиновскому закону подбора, исторически творящему целесообразность в живой природе. Как деликатно, но вполне определенно, выразился Кастль, ссылаясь на книгу Шиндевольфа³, написанную в связи с этим совещанием, «в отношении реальности эволюции существует скептицизм как среди генетиков, так и палеонтологов»⁴.

Год тому назад Шведское общество селекции растений отмечало свой шестидесятилетний юбилей. На торжественном собрании 12 июля 1946 г. выступил руководитель Института генетики при Лундском университете проф. А. Мюнцинг⁵. В его речи резко обрисовался реакционный перелом в отношении к материалистическому ядру дарвинизма, перелом, происшедший в буржуазной науке с начала нового столетия. «Когда 60 лет тому назад была начата в Сфалефе селекционная работа, — говорил Мюнцинг, — господствовало учение Дарвина. Главным тезисом Дарвина было положение... о неограниченных возможностях естественного отбора изменять тип в определенном направлении». Пришел новый век — век загнивания капитализма и его идеологии. Материалистические устои дарвинизма были объявлены устаревшими и фальсификаторски названы ламаркистскими. «Попытки вызывать изменения наследственных задатков путем внешних воздействий на организм, — продолжал свою речь Мюнцинг, — были актуальной проблемой еще во второй половине 19-го века. Большинство исследователей, занимавшихся этой проблемой в те времена, были ламаркистами и полагали, что телесные изменения индивида накладывают свой отпечаток на его половые клетки и передаются поэтому последующим поколениям». Для «доказательства» независимости наследственности от условий жизни организма и его телесных изменений на авансцену были вытаснены нелепые опыты Августа Вейсмана с отрезанием хвостов у мышей, у которых потомство все же получалось хвостатым. Несмотря на то, что

² Л. Давиташвили. «Реакционная статья германского ученого в советском сборнике».

³ O. H. Schindewolf „Paläontologie, Entwicklungslehre und Genetik. Berlin, 1936.

⁴ W. E. Castle. Evolution and Genetics. Journ. of Heredity, № 4, April. 1938.

⁵ A. Muntzing. Den Teoretiska Genetiken och växtförädlingen Sveriges Utsädesförenings Tidskrift 1946, v. 56, № 56.

доказательность этого опыта была равна, по меткому выражению К. А. Тимирязева, доказательности неизменности племянника, на которого не влияют изменения в организации дяди, эти опыты А. Вейсмана были объявлены «классическими». Мюнцинг, ссылаясь на опыты Вейсмана, как на *Experimentum crucis*, как на решающую проверку независимости «наследственного вещества» от тела организма, заявляет, что «результаты этих опытов были отрицательными». Он обращается к евангелию буржуазной биологии нового века — к менделизму и заявляет: «Главным результатом исследований Менделя было как раз доказательство существования постоянных наследственных задатков, которые наследуются без изменения из поколения в поколение. Чисто теоретические исследования Менделя разъясняли также важный принцип комбинаций. Наследственные задатки постоянны, но они могут перегруппироваться, и путем таких перегруппировок (перекомбинаций) возникает великое многообразие наследственных типов. Принцип перегруппировок наследственных задатков объяснял причину огромного множества самых различных наследственных типов, встречающихся среди всех перекрестно-оплодотворяющихся организмов, будь то растения, животные или человек».

Принцип постоянства форм, в виде постоянства наследственных элементов, был утвержден в буржуазной биологии нового периода. В дальнейшем в этот принцип неизменности элементарных форм были внесены некоторые коррективы, делающие этот принцип более научнообразным. Герман И. Мюллер на Генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. известил о своем «открытии»: через десятки и сотни тысяч неизменного воспроизведения наследственные элементы могут измениться при воздействии на них рентгеновскими лучами. Рентгеновские лучи в последующем были дополнены лучами радия, некоторыми химическими ядами, термовоздействиями, также прокламированными как активаторы «мутаций». Но во всех случаях мутации объявлялись независимыми по своему качеству от предшествующих мутаций организма и от внешних условий их активировавших, не говоря уже о том, что мутации считались независимыми от качества органического тела и его жизненных функций. Мутации — не адекватны жизненным функциям, форма не адекватна функции, в своем качестве мутации не связаны внутренней исторической связью друг с другом, равно как и с условиями жизни организма — таков лейтмотив «новейших» откровений буржуазной генетики, призванной теоретически «обосновать» метафизику против исторического воззрения на природу. Какая же речь может идти об истории, когда каждая мутация: 1) *sui generis*, независима от предшествующей и от нее, в свою очередь, не зависит последующая; 2) не зависит от особенностей и жизненных функций организма; 3) не зависит от условий жизни организма, обладает абсолютной качественной автономией? Такого рода исследование независимых событий, не связанных связью необходимости, не может быть содержанием истории, не может дать материал для направленной, накапливающей изменения деятельности естественного и искусственного подбора. Подбор бессилен что-либо сотворить из такого постоянно в разных направлениях рассыпающегося материала независимых мутаций, бессилен творить целесообразные формы живых существ — но это только и надо буржуазным идеологам, ищущим в искажении биологии открытых ворот для имматериального начала формирования целесообразных живых существ. При чем здесь соблюдалось и соблюдается известное разделение труда: одни, фальсифицируя факты, «доказывают»

бессилие подбора формировать целесообразные формы организмов, другие — придумывают разного рода имматериальные «организующие», «творческие», «организмические» и другие подобные «принципы» творения форм жизни.

Так пытаются буржуазные идеологи изгнать материалистическую историю из живой природы и под фальшивой маской «новейших научных открытий» внедрять в головы людей фидеизм.

Генетика и ее духовная мать — евгеника — оказались в центре реакционных поползновений самых разнообразных биологических дисциплин; генетика стала центром идеологического маразма, который охватил буржуазную биологическую науку. Именно она, извращенная по своей сути генетика, оказалась призванной реакционными идеологами «низвергнуть» творческую роль подбора и тем самым утвердить фидеистский аспект исследований всех других биологических дисциплин, которые ведь, так или иначе, всегда связаны с проблемой целесообразности в живой природе. После того, как генетика «расправилась» с основой основ дарвинизма, в самых разнообразных биологических дисциплинах в Западной Европе и в Америке стали махровым цветом расцветать различного рода метафизические «измы».

Лучшие, наиболее прогрессивные биологи твердо противостояли волне реакции и идеологического растления, которая широко разлилась в буржуазной биологической науке. Среди таких передовых биологов первое место по праву принадлежит русскому и советскому ученому — Клименту Аркадьевичу Тимирязеву. У самых истоков идейной реакции, еще в начале века Тимирязев понял, что «и вздыхающая по прошлому метафизика и лпящаяся назад буржуазия не прочь протянуть друг другу руку помощи». Всем тем, кто, ссылаясь на «новейшие научные факты», злопыхательски заявляли, что «дарвинизм осекся» и впад, по выражению Тимирязева, «в какой-то мистический экстаз невежества, бьющего себя в грудь, радостно причитали: Не понимаю! Не пойму! Никогда не пойму!» — всем этим «антиподам науки», как называл Тимирязев мракобесов от науки и прежде всего лже-генетиков, великий ученый дал достойную, уничтожающую отповедь. Причем эта «отповедь виталистам», «отповедь антидарвинистам» и т. д., звучала по-тимирязевски, т. е. с глубочайшим анализом, и, одновременно, с предельной ясностью и образностью, ставящей идеологическую борьбу на суд широкой общественности.

В одной шеренге с К. А. Тимирязевым шагал и крупнейший русский биолог В. О. Ковалевский. всю свою короткую, но исключительно яркую по силе творчества жизнь В. О. Ковалевский оставался верен знамени материалистических основ дарвинизма и именно эти материалистические устои дарвинизма он развивал в своих палеонтологических работах. Внимательное и вдумчивое изучение трудов В. О. Ковалевского показывает: ведущим мотивом его исследований является учение о том, что изменение формы всегда адекватно изменению функции, но эта адекватность отнюдь не обязательно является целесообразной. Учение В. О. Ковалевского об «адаптивной и инадаптивной» редукции скелета конечностей по своему существу включает три связанных между собою положения, которые мы теоретически выразим следующим образом: 1) форма изменяется в связи и адекватно с жизненной функцией; 2) эти изменения формы, имеющие место в процессе жизнедеятельности особи, могут наследоваться; 3) наследуемые, адекватные функции, изменения формы

могут быть целесообразными, но могут быть и нецелесообразными.

В. О. Ковалевский открыл и доказал, что третичные копытные, для которых быстрота бега была гарантией их сохранности, функционально переходили от стопохождения к пальцехождению. Это повело к формативным изменениям — к процессу редукции пальцев. Такая редукция наследственно накапливалась из поколения в поколение. Однако редукция пальцев была возможна и осуществлялась двояким образом. В одном случае редуцируемые пальцы лишь укорачивались и проксимальная их часть продолжала занимать свою площадку в запястье, или в предплюсне. В другом случае редукция шла путем утончения пальцев и освобождения таким образом площадки запястья и предплюсны, которые занимались функционально замещающими пальцами (или же пальцем), принимающими на себя функцию действующего органа и, соответственно всю тяжесть тела животного. И в одном и в другом случае изменение формы адекватно изменению функции. Но в первом случае, эта адекватность нецелесообразная, так как запястные и предплюсновые кости продолжают обслуживать бездействующие рудиментарные пальцы, как это имело место у *Xiphodon*'а, *Aporlotherium*'а, несколько в меньшей степени у *Entelodon*'а и т. п. Во втором же случае адекватное функции изменение формы целесообразно, так как освобождающаяся дистальная часть запястных и предплюсновых костей обслуживает не рудиментарные, а соответственно утолщающиеся функционирующие пальцы. Первый случай В. О. Ковалевский назвал «неадаптивной» редукцией, второй — «адаптивной» редукцией.

Работы В. О. Ковалевского, установившие адаптивность и инадаптивность редукции, подняли разработку дарвиновской проблемы целесообразности на новую высоту.

В. О. Ковалевский дал резкий отпор quasi-эволюционной концепции Э. Зюсса о внезапной «перечеканке» видов, согласно которой неизменные виды время от времени внезапно «перечеканиваются». Ковалевский доказал ненаучность этой концепции. Если бы Дьюар и ему подобные, равно как и все современные генетики-мутационисты моргановской школы, считались бы с реальными достижениями биологической науки, они не возрождали бы опрокинутые Ковалевским ложные установки Зюсса, да еще в худшем переиздании; они не стали бы утверждать, что периоды изменений есть лишь нарушение периодов неизменности видов.

В. О. Ковалевский создал дарвинистскую палеонтологию. От ее основного тезиса — адекватной связи изменений формы и функции, соответствия изменений организма измененному образу жизни в измененных условиях — тянутся нити к современному советскому дарвинизму, к мичуринскому учению.

Дарвинистские воззрения, историко-биологический аспект исследований, нашли свое выражение и дальнейшее развитие в самых разнообразных областях русской и советской биологической науки. Достаточно здесь указать на самого крупного в мире советского физиолога И. П. Павлова, исследовавшего прирожденные безусловные и приобретенные условные рефлексы под углом зрения их биологической значимости, как продукт единства истории прошлой и современной. Другой русский, советский биолог А. Н. Северцев, совершенно в другой области биологии, в области эволюционной морфологии, шел теми же дарвинистскими путями, во многом обогатив дарвинизм установлением путей и закономерностей эволюции. Именно он, А. Н. Северцев, доказал,

что пластичность организма имеет приспособительное, биологическое значение, значение для выживаемости. В связи с этим он разработал вопрос о полифункциональности органов, доказав, что, благодаря тому, что орган может выполнять не одну, а несколько функций, организм может при быстро и резко изменившихся обстоятельствах быстро же изменить свой образ жизни. А. Н. Северцев сделал большой вклад в дарвинизм, намного продвинул разработку дарвинизма, установив морфо-физиологический прогресс и регресс как формы биологически прогрессивной эволюции организмов. Чрезвычайно интересно, что наиболее широкие теоретические обобщения в области общих проблем дарвинизма А. Н. Северцев дает в послереволюционные годы. Уже в 1918 году он выступает с публичными лекциями, где устанавливает биологический дарвиновский аспект изучения морфо-физиологического прогресса и регресса, в таком же свете излагает проблему пластичности, т. е. изменчивости строения и поведения животного⁶. Еще более развернуто А. Н. Северцев разрабатывает эти важнейшие проблемы в своей замечательной работе: «Главные направления эволюционного процесса (прогресс, регресс и адаптация)». Дарвинистический аспект этих исследований был особо важен, прозвучал с особенной силой в ту пору, когда большинство зарубежных исследователей пытались увести проблемы морфофизиологии животных в сторону от дарвинизма, как якобы «независимые» от эволюции и ее закономерностей. Абиологизм — отказ от учета приспособительного значения морфо-физиологических процессов — характерная черта в установках механистического крыла западно-европейских и американских биологов; эта установка оставила поле деятельности в области трактовки проблем приспособления неовиталистам, эмердженистам и прочим наукообразным адептам поповщины. Таково, повторяем, «разделение труда», в «новой» зарубежной биологии, объявившей дарвинизм «излишним», «словесным», и «устаревшим».

Этим установкам на абиологизм исследований А. Н. Северцев дал сильный отпор.

* *

*

Однако в широкой, общетеоретической литературе дарвинизма оставался существенный пробел, подкреплявший и оснащавший притязания антидарвинистов. Оставались неизвестными способы, при помощи которых возникают у организмов начальные уклонения, служащие исходным материалом для дальнейшей творческой накапливающей-созидательной деятельности подбора. Еще в 1915 году русский биолог Н. А. Холодковский указывал как на коренную задачу дарвинизма «открыть пути к объяснению способов, какими возникают подлежащие отбору первичные изменения, и через это пополнить самый существенный из пробелов эволюционного учения»⁷. Невыполненность этой задачи дарвинизмом позволяла антидарвинистам разных толков выдвигать особое вещество филогенетической изменчивости и наследственности и соответственно этому прокламировать в качестве материала для отбора «спонтанные мутации» или мутации, качественно автономные от условий и образа жизни организма, или же «эволюцию без эво-

⁶ Эти лекции нашли отражение в написанной для широких масс брошюре А. Н. Северцева «Эволюция и психика», 1.22.

⁷ Н. А. Холодковский. «Ламаркизм и жоффруизм». Природа, 1915.

люции» путем перекомбинации генов при гибридизации, или же и то, и другое, и третье вместе. И так как ни спонтанные, ни качественно автономные от условий и образа жизни организма мутации, равно как и «генная» перекомбинация при гибридизации, не давали должного материала для накапливающей уклонения в определенном направлении, т. е. для созидательной деятельности подбора, то этого было достаточно для того, чтобы объявить бессилие дарвиновского подбора в созидании видов, возглашать о смертном одре дарвинизма, заявлять, что дарвинизм разбился о непреступные стены современной экспериментальной генетики. Если этот вывод делали многие, но не все мутационисты и перекомбинаторы генов, то он с логической необходимостью следовал из их трактовки результатов исследований. Основатели же этой новой школы генетики подчеркивали:

«Отбор не создает ничего нового» (Йогансен);

Для видообразования «не требуется никакого подбора» (де-Фриз);

«Естественный отбор не играет созидательной роли в эволюции» (Т. Г. Морган).

Главный основатель новой генетической школы, автор учения об особом «наследственном веществе», Август Вейсман пытался подменить реальный подбор приспособительных уклонений конкуренцией в мире зачатков. Но так как подобная конкуренция зачатков не могла привести к целесообразной приспособленности организма к особым условиям его существования, характерной для всех этапов его формирования, то проблема целесообразности оставалась свободным полем для идеалистических упражнений. Обычно считается, что Август Вейсман расширил сферу действия подбора. Это неверно: он подменил подбор зачатковой конкуренцией. Недаром же в «Золотой книге немецкого народа», вышедшей в начале века, Вейсман писал:

«Хотя принцип отбора и разрешал, казалось, наиболее просто загадку целесообразности всего существующего, но, тем не менее, при дальнейшей разработке проблемы становилось все яснее, что одного отбора, по крайней мере в его первоначальных пределах, не достаточно».

Антидарвинистская реакция торжествовала. Она выглядела новым откровением науки, найденным в недрах «вещества наследственности». Идеалист Франсэ с радостью отмечал, что «отбор представляет собою в настоящее время занесенное песком и оставленное русло и река познания прорыла себе новое ложе. Это закрыло доступ энергии также и к материалистической мельнице, которая была построена на берегу реки отбора»⁸.

Франсэ отмечал, что вокруг тезиса, гласящего, что «отбор представляется бессильным принципом, который ничего не создает, но в лучшем случае лишь уничтожает», объединились «многие из новеших ученых, среди них: Т. Эймер, К. Гебель, В. Гааке, В. Кассович, А. Паули, Г. де-Фриз, А. Вейсман, Г. Вольф». Все эти биологи представляли разные «школы», спорили между собой, но все они сходились на общей базе антидарвинизма.

Де-Фриз, Чермак и Корренс сделали «знаменательным» 1900 год: они вновь открыли работу Грегора Менделя, которая, вместе с мутационизмом де-Фриза и учением о «наследственном веществе» А. Вейсмана с тех пор стала новым евангелием анти-дарвинизма, отлившись в неodarвинистскую школу менделизма-морганизма. Возрадовавшиеся слу-

⁸ Проф. Г. Франсэ. *Философия естествознания. Современное положение дарвинизма.* С. Петербург, 1908.

жители распада буржуазной биологической мысли, вроде И. В. Богословского, отпевали дарвинизм, возвещая, что «гнусная теория убоя (так Богословский называл великое творение Дарвина.—И. П.) оказалась погребенной в гряде, на которой пышно расцвела гигантская энотера, и в одну единственную могилу навеки унесла с собой всю зловредную болтовню о выживании наиболее приспособленного»⁹. Представитель «реально-философско-богословских наук», как именовал себя Мичукури, в своем трактате, называемом: «Полное разрушение дарвинизма. Шесть библейских дней творения мира и моментальное его творение, выраженное математической формулой», с удовлетворением отмечал: «Все положения системы Дарвина уничтожаются всеми последними изысканиями неodarвинистов, идущими согласно с доводами моего трактата»¹⁰.

* *
*

В то время как так называемый неodarвинизм, в лице менделеевско-моргановской школы, расцветал махровым цветом, все более углубляя свой уход от исторических и материалистических воззрений, дарвинизм, захлестываемый мутными волнами метафизики, нашел крепчайшую опору и творческое развитие в тиши сада небольшого мало известного русского городка Козлова.

1900 год действительно знаменателен. В этом году приступил к осуществлению новых идей Иван Владимирович Мичурин. Он поставил перед собой дерзкую задачу: открыть способы планового породовыведения. Но для этого нужно было решить труднейшую задачу, оставленную дарвинизмом неразрешенной. Нужно было открыть пути создания определенных первичных уклонений организма, с тем, чтобы систематически и планомерно их усиливать, накапливать и отливать в новые стойкие свойства.

Классический дарвинизм остановился перед этой задачей и не сумел ее решить. Ограниченный практикой и теорией своего времени Дарвин противопоставил определенную изменчивость деятельности подбора. Дарвин исключил определенную изменчивость из сферы действия закона подбора. Но это было ошибкой. Ведь существо действия подбора заключается в накоплении, в усилении полезных уклонений. Подбор — это аккумулятивный процесс, это творческое, исторически создающее начало. И если группа особей в определенных условиях, в меру своей однотипности, изменяется также однотипно, то, в случае полезности, такие изменения обязательно войдут в сферу действия подбора, т. е. будут повторно накапливаться и усиливаться при повторных условиях. Подбирается всегда некое полезное уклонение, будь оно единичное или массовидное.

Далее, Дарвин установил три формы подбора: естественный, бессознательный, методический. Все эти описанные Дарвином формы подбора опираются на наличный, уже имеющийся исходный материал изменчивости. При всех этих учтенных Дарвином формах подбора созидательная деятельность последнего не распространяется на создание самого исходного материала.

⁹ И. В. Богословский. Развитие жизни, С. Петербург, 1908.

¹⁰ К. Мичукури. Полное разрушение дарвинизма. Шесть библейских дней творения и моментальное его творение, выраженное математической формулой. Москва. Синодальная типография, 1907.

Более высокая, по сравнению с названными и исследованными Дарвином, форма подбора охватывает также и определенную деятельность по созданию необходимого исходного материала, т. е. по созданию «определенной изменчивости», и определенную планомерно-воспитательную деятельность в процессе созидания пород.

Неверно и неоправданно противопоставлять воспитательное действие естественных условий (естественную «определенную изменчивость») естественному селекционному процессу (естественному подбору). Последний включает в себя первое.

Неверно и неоправданно планомерную деятельность воспитания (искусственную «определенную изменчивость») противопоставлять селекционной деятельности человека (искусственному подбору). Последняя, на более высокой ступени искусственного подбора, включает в себя первую. Именно такая деятельность поднимает подбор на более высокую ступень, переводит его еще более из царства необходимости в царство осознанной необходимости, в царство свободы. Такое понимание расширенного действия подбора есть творческое, а не догматическое освоение дарвинизма. Оно опирается на принципиально новые достижения в приемах селекционной работы, на этой основе обновляет и поднимает теорию дарвинизма на новую ступень и делает сами приемы селекционной работы еще более творческими.

В этом основная суть творческого дарвинизма.

Мы должны говорить о советском творческом дарвинизме, так как именно в Советской стране дарвинизм:

1) критически пересмотрен под углом зрения наиболее высокого метода познания— диалектического материализма;

2) обогащен включением в себя общебиологических, важнейших для дарвинизма, выводов, следующих из новых открытий в области развития растений, которые имели место именно в советской биологической науке;

3) теоретически обновлен соответственно новым принципам и методам в селекционной работе, не известным во времена старого классического дарвинизма;

4) опирается на такую новую форму подбора, которая включает в себя планомерное воспитание селективируемого материала, что делает сам подбор несравненно более высоким по творческому эффекту.

Начало новой формы и, одновременно, новой ступени подбора, включающей планомерное создание исходного материала и дальнейшее планомерное воспитание новых свойств в ряде поколений (или же плодоношений), положено трудами И. В. Мичурина.

Планомерное предварительное воспитание родительских, подлежащих скрещиванию, растений; особые агротехнические условия воспитания сеянца; система менторов — все эти и многие другие приемы активно-планомерного воспитания селективируемого сорта дали возможность Мичурину преднамеренно закладывать основу новых свойств, постепенно их накапливать, усиливать и закреплять. Такими способами Мичурин от начала до конца активно подбирал необходимые ему отклонения растительных форм и потому имел несравненно более гарантированные успешные результаты, нежели это имело место в старой селекции, теоретически обобщенной классическим дарвинизмом.

Научный подвиг Мичурина, имеющий величайшее общебиологическое теоретическое значение, опирающийся на огромной важности практические его достижения, оставался в неизвестности. И только советский

строй создал предпосылки для вхождения открытий и достижений Мичурина в Большую Науку.

Советская биологическая наука исходит из дарвинизма, нашедшего свое творческое прогрессивное развитие в трудах Мичурина; советская биологическая наука несравненно шире разворачивает фронт мичурински-возвышенного, развитого дарвинизма, применительно к самым разнообразным отраслям биологии, углубляет и уточняет его теоретическое содержание, оснащает его новыми важнейшими открытиями.

Мы по праву можем говорить об открытии в Советской стране новой эры дарвинизма — советского творческого дарвинизма.

Советский творческий дарвинизм — это большое, массовое, теоретическое и практическое движение. В нем активно участвует основная масса селекционеров нашей страны, претворяющих принципы и методы мичурински-обновленного дарвинизма в разнообразную селекционную деятельность по самым разнообразным культурам: плодовым, цитрусовым, кормовым, зерновым, ягодниковым, лекарственным, техническим, овощным, картофелю и т. д. Крупнейшие головные н.-и. институты, такие как Институт генетики АН СССР, Всесоюзный институт генетики и селекции (Одесса), Всесоюзный институт растениеводства (Ленинград) с его многочисленными станциями в разных пунктах Советского Союза, Сибирский институт зернового хозяйства, Институт земледелия Черноземной полосы («Каменная степь»), Научно-исследовательский институт имени Мичурина (Мичуринск), Никитский ботанический сад (Крым), Институт гибридизации и акклиматизации животных (Аскания-Нова), Украинский институт плодоводства (Киев) и многие другие ведут плодотворную исследовательскую работу, руководствуясь установками творческого дарвинизма. Основная масса наших селекционных станций и среди них такие мощные как Московская (бывшая Тульская), Краснодарская, Рамонская, Винницкая, Немерчанская, такие отдаленные от центра, как Нарымская, — интенсивно работают на основе творческого дарвинизма.

Целый ряд специализированных институтов, такие, например, как Институт кормов, Всесоюзные научно-исследовательские институты хлопка, свеклы, Институт масличных культур, Институт картофельного хозяйства, также работают на новой теоретической основе.

Ряд институтов, лабораторий, кафедр в вузах специально и углубленно разрабатывают методические и методологические вопросы творческого дарвинизма (Экспериментальная база Всесоюзной академии с.-х. наук имени В. И. Ленина «Горки-Ленинские», Институт генетики Академии наук СССР, Институт генетики Армянской ССР, кафедры дарвинизма и генетики растений Ленинградского университета и др.).

Ко всей этой огромной армии исследователей необходимо прибавить еще более огромную армию опытников-мичуринцев, по всей нашей стране упорно овладевающих высотами теории творческого дарвинизма, делающих богатейшие практические вклады в наше социалистическое хозяйство и дающих исключительно ценный материал для теоретического обобщения и дальнейшего развития теории творческого дарвинизма. Мы по праву и с полным основанием можем говорить о движении творческого дарвинизма, как о народном научном движении в нашей Советской стране.

Возглавляет всю эту многочисленную и разностороннюю армию дарвинистов-мичуринцев ученый из народа, президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии Трофим Денисович Лысенко. Ему принадлежит

неоценимый вклад в советский творческий дарвинизм — открытие стадийности в развитии растения.

Открытие нового закона и закономерностей стадийного развития растений является крупнейшим завоеванием советского творческого дарвинизма. Теория стадийного развития растений открыла принципиально новые возможности для планомерной перестройки природы растений, новые возможности овладения потоком эволюции на основании постадийного анализа потребностей растения в условиях развития.

Закон и закономерности стадийного развития детально разработаны Т. Д. Лысенко и его сотрудниками применительно к растениям. Но этот закон и закономерности имеют общебиологическое значение. Закон стадийного развития растений необходимо связан с известным дарвинистским биогенетическим законом. В свете закона стадийного развития сам биогенетический закон предстал в новом виде.

Дарвин, Мюллер и Геккель, в особенности Александр Ковалевский, открыли и доказали отражение филогенеза в онтогенезе. Но в их исследованиях биогенетический закон был понят лишь с его морфологической стороны и в этом была его исторически обусловленная ограниченность. Теория стадийного развития вскрыла, что всякое морфологическое образование есть конечный результат индивидуального развития, результат, зависимый от условий этого развития. По существу признаки — это итоговый результат развития биотипа в конкретных условиях. Биотип же характеризуется нормой требований организма к условиям развития. Биотипология индивидуального развития резко меняется, образуя стадии развития, для каждой из которых характерна своя особая, специфическая норма требований существенных условий. В этом свете биотипологическая стадийность индивидуального развития предстала как отражение (понятно весьма видоизмененное отражение) смены типов приспособлений, имевшей место в филогенезе.

Отсюда следовало: морфология онтогенетического развития есть лишь конечное конкретное выражение биологии онтогенетического развития, которая отражает биологию (смену типов приспособлений) филогенетического развития. Так, в свете теории стадийного развития, биогенетический закон предстал по-новому, впервые по праву называясь био-генетическим, а не морфо-генетическим.

Подробная разработка основного закона и закономерностей стадийного развития применительно к растениям вылилась в новую, рожденную советским творческим дарвинизмом, научную дисциплину: биология развития растений.

Новая, целиком принадлежащая советской эпохе, научная дисциплина быстро, в короткий срок приобрела себе право гражданства среди других научных дисциплин. Это детище советского творческого дарвинизма несет в себе черты своего происхождения: оно оказалось исключительно творческим.

В свете биологии развития растений и ее стержня — теории стадийного развития растений — преобразилась физиология растений. Достаточно просмотреть любую сводку, любой учебник по физиологии растений, относящийся к периодам до и после открытия закономерностей биологии развития растений, чтобы увидеть как радикально преобразилась физиология растений в свете биологии развития и ее закономерностей. Теперь уже немислимо разрабатывать проблему физиологии засухоустойчивости, морозостойкости, солеустойчивости, проблему питания растений, любую проблему иммунитета и т. д., не гово-

ря уже о вегетационном периоде, вне аспекта закономерностей биологии развития. Самые разнообразные проблемы физиологии растений нашли свое новое решение в свете теории стадийного развития растений. Оказались ясными под углом зрения биологии развития труднейшие проблемы, в исследовании которых накопился самый разноречивый материал, и в нем, казалось бы, окончательно запутывалось решение этих проблем. К такого рода проблемам относятся такие, например, как природа озимости и яровости, причины гибели озимых, проращивание молодого свежесобранного картофеля и др.

В свете завоеваний биологии развития, понятых и раскрытых в их общебиологическом значении, совершенно преобразилась генетика. Мы теперь собственно должны говорить о совершенно новой генетике в Советском Союзе. Упираясь корнями в работы классиков дарвинизма — самого Дарвина, Тимирязева, вобрав в себя величайшие открытия Мичурина, — советская генетика впервые создала хотя еще весьма молодую и незавершенную, но уже сейчас стройную систему воззрений на наследственность и ее изменчивость. Советская генетика сделала новые открытия в области, о которой буржуазная наука даже не смогла мечтать: в области планового видоизменения породных особенностей (генотипа), в области планового подбора пар для скрещивания и т. д.

В связи с разработкой проблем творческого дарвинизма и открытиями закономерностей биологии развития на новую высоту поднята селекционная наука. В новом свете предстала значимость местных сортов, подбор в чистотинейном материале, заново пересмотрена проблема инцухта растений и определена его разная значимость для разных задач селекции. По существу все главные теоретические основы селекции растений, а в известной степени и селекции животных, обновлены на основе творческого дарвинизма и его краеугольного камня — биологии развития.

То же относится и к основам семеноводства. Эти основы, в свете установок творческого дарвинизма и закономерностей биологии развития, полностью преобразены. Впервые, вместо сборника правил апробации и предохранения сортовых семян, при размножении, от загромождения чужесортными, разработаны теоретические основы семеноводства, открыты основные закономерности семенного размножения и обновления самоопылителей и перекрестноопылителей, намечены стройные контуры для дальнейшей методической и детальной проработки приемов семеноводства применительно к разным культурам, зонам, хозяйственным запросам и т. д.

В свете биологии развития растений во многом обогатилась и преобразилась агротехника. Может быть ни в одной науке не господствовал столь сильно эмпиризм, как в агротехнике. «Средние наблюдения» из большого, а подчас и малого числа лет во многих случаях оставались без ответа на вопрос «почему» и выливались в чисто эмпирические правила, подчас весьма полезные, но нередко, благодаря незнанию причин, и вредные. Биология развития растений логически должна была прийти и пришла к взаимному проникновению с учением крупнейшего советского биолога В. Р. Вильямса, что и привело оба этих дарвинистских учения к взаимному обогащению. По существу система Вильямса — это учение о биологических основах развития культурной почвы. Взаимное проникновение биологии развития растений и биологических основ окультуривания почвы дало твердую опору агротехнике, ныне избавленной от эмпирической ограниченности. Развернутая на этой основе работа бывшей Каменно-степной станции, ныне

института им. В. В. Докучаева, дала в советский период великолепные образцы продуктивной деятельности, образцы, воспринимаемые и другими станциями в нашем Советском Союзе.

Вобрав в себя мичуринское учение о плановом сортовыведении, учение Вильямса об общих законах культурного земледелия, биология развития, повернутая к запросам наиболее культурного в мире социалистического земледелия, прежде всего является агробиологией. Но ее потенции и перспективные возможности еще шире. Нет такого раздела в науке о жизни, который не мог бы воспринять благотворное влияние освещения своих проблем под углом зрения биологии развития. Это и понятно: будучи в своей подробной, детальной разработке применительно к растениям, самостоятельной научной дисциплиной, биология развития своими наиболее общими закономерностями и категориями входит органически в советский творческий дарвинизм.

Советский творческий дарвинизм, пересмотрев под углом зрения диалектического материализма теоретические положения классического дарвинизма, отбросил неверные и устаревшие из них, такие, например, как приписывание перенаселенности роли обязательного основания естественного отбора и прогрессивной эволюции, как противопоставление «определенной» и «неопределенной» изменчивости, утверждение, что «природа не делает скачка», и т. д. Следует здесь же оговорить, что большинство неверных положений в классической системе Дарвина отнюдь не обязательны для этой системы, нередко они являются простыми привесками к ней.

Одновременно советский творческий дарвинизм выделил, поднял на щит и развил то, что является в дарвинизме основной его сутью, то что образует сердцевины дарвинизма: творческую роль подбора.

Творческая роль подбора, постепенное накапливание некоего нового свойства предполагает в качестве своей обязательной предпосылки такую закономерность длящейся изменчивости, которая позволяла бы подбору повторно накапливать новое свойство.

Дарвином была высказана идея, что «признаки продолжают изменяться в таком же направлении, в котором они уже изменились раньше»; «само по себе правдоподобно, что если какой-либо орган изменился в некотором направлении, он опять изменится в том же направлении, если условия, первоначально вызвавшие изменение данного организма, остаются, насколько можно судить, одинаковыми». Однако сам Дарвин недостаточно акцентировал эту мысль, недостаточно связал ее связью необходимости с творческой деятельностью подбора. И только советский дарвинизм, на основании анализа данных как старых селекционных работ, включая данные Л. Бербанка, так и в особенности работ нового типа — по плановой переделке природы растений — поднял эту мысль Дарвина на щит, развил ее, показал, что такого рода направление изменчивости есть основная закономерность, и выразил ее формулой: «Изменчивость продолжается в направлении подбора». Советский дарвинизм показал, что эта закономерность есть *sine qua non*, обязательная предпосылка созидательной деятельности любой формы подбора. Без длящейся изменчивости нет аккумулятивной деятельности подбора. Однако сам подбор, самим актом сохранения полезно уклонившегося организма «на племя», создает предпосылку продолжения и усиления изменчивости, при повторных условиях, в том же самом направлении, тем самым создает предпосылку своей собственной длящейся деятельности. Эта длящаяся в поко-

лениях в определенном направлении изменчивость предполагает ф и л е т и ч е с к у ю связь, предполагает, что изменения организма, имевшие место на любом этапе развития организма, могут быть значимыми для следующих поколений, могут воспроизводиться более легко и усиливаться в последующих поколениях. В этом заключается единство и взаимопереходы онтогенеза и филогенеза. Индивидуальное уклонение организма, типа так называемой модификации, при длящихся условиях может становиться особенной и общей чертой развивающейся новой породы и сорта.

Советский творческий мичурински обновленный дарвинизм доказал, что уклонения организма от породного и сортового типа происходят благодаря измененному образу жизни, благодаря измененному индивидуальному развитию, благодаря измененному ассимилированию условий жизни, а не просто благодаря единовременному изменению формы, структуры под ударами внешней среды. Последнее, как правило, ведет к калечению организма и не может являться генеральным путем эволюции. Изменение формы есть производное развития — в этом советский дарвинизм опирается не только на добытые Мичуриным факты, но и на более ранние, на факты добытые замечательным русским дарвинистом В. О. Ковалевским.

Новая функция ведет к новой форме, — так учил Ковалевский, — оснащая этот тезис богатейшим палеонтологическим материалом.

Новая функция есть новое развитие жизнедеятельности и именно потому может в ряде поколений или повторных плодоношений вести к новой форме, к новому типу самопостроения организма — это доказал многочисленнейшими фактами современный советский дарвинизм. На этом пути советским дарвинизмом получены огромной важности результаты. Мы, понятно, можем здесь, в целях иллюстрации, привести лишь немногие из них.

Советский творческий дарвинизм показал, как можно в процессе развития в ряде поколений менять типические потребности организма в определенных, особенных условиях жизни, как можно, например, яровые сорта планомерно перестраивать в озимые и наоборот. Это, казалось бы частное, открытие имеет общее, принципиальное значение, указывает пути, каким образом, *mutatis mutandis*, может быть в процессе развития перестроено любое свойство организма.

Развивая и обогащая мичуринские установки, советский дарвинизм показал, каким образом можно направленно изменяя характер питания организма на определенных этапах его развития, менять специфику жизнедеятельности организма и через это уклонять специфику его потребностей в условиях существования. Накопляя, подбирая эти уклонения, советский дарвинизм может по плану создавать новые типические свойства. Кто еще во всем мире может так, как это умеют советские дарвинисты-мичуринцы, планомерно изменять породу картофеля, путем воспитания его в ряде клубневых поколений в обогащенной нитратами почве, благодаря соответственно подобранному сроку посадки? Это открытие советских дарвинистов тоже, казалось бы, является частным, но оно имеет общее, принципиальное значение, показывая пути, *mutatis mutandis*, к подобному же управлению породообразованием путем соответствующего режима воспитания.

Основываясь на мичуринских установках, советские дарвинисты развили колоссальную деятельность, своими результатами окончательно доказавшую единство половой и вегетативной связи организмов. Кто

еще во всем мире имеет такое богатство вегетативных гибридов, как это имеет армия советских дарвинистов-мичуринцев? Помидоры, перцы, подсолнечник, бобовые, культурный картофель, дикий паслен, даже злаковые, не говоря уже о плодовых, представлены ныне вегетативными гибридами. Эти факты, добытые советскими дарвинистами, имеют принципиальное значение для биологической науки в целом. Эти факты открывают колоссальные новые возможности для управления пороодообразованием. Перед лицом этих фактов зарубежным биологам, долго и упорно отрицавшим саму возможность вегетативной гибридизации, приходится наскоро перестраиваться и «изобретать» некие «плазмогены — или геногормоны», словесные довески к пресловутому монополюсному «наследственному веществу», а по существу в беспорядке отступать от своих позиций, казавшихся недавно еще столь твердыми, теряя вооружение и превращая в сплошную мешанину свое теоретическое сооружение.

Исходя из установок Дарвина и Тимирязева, советские дарвинисты разработали способ исключительно эффективной борьбы с вырождением самоопылителей.

И этот способ, отнюдь, не имеет лишь частное значение. Он заключает в себе теоретическую основу для понимания всей проблемы сортового вырождения в целом. Эта теоретическая основа заключается в пагубности для растительных форм идентичных условий выращивания и пользе синтезирования в организме не только макро, но и микроэкологического эффекта разности условий произрастания. Данное положение полностью включает в себя установки Дарвина, Тимирязева и указание акад. Северцева о биологической полезности пластичности организма. Но при этом, принадлежащее советскому дарвинизму открытие — внутрисортное свободное скрещивание — развивает и обогащает эти воззрения указанием на роль избирательности оплодотворения при использовании микроэкологического эффекта разности условий произрастания. Открытие советского дарвинизма — внутрисортные скрещивания — освоено и дальше разрабатывается не только сотнями советских селекционных станций, но и тысячами колхозников-опытников. Где еще в мире приобрело такой размах новейшее научное агробиологическое открытие? Зарубежным буржуазным биологам перед лицом этих фактов приходится только утешать себя тем, что, дескать, советским биологам легко получать эффект от внутрисортного скрещивания самоопылителей благодаря тому, что сорта, мол, в России не чистые. Однако к такой несерьезной и даже смехотворной апелляции «к нечистому» от хорошей, полноценной научной жизни прибегать не станешь.

Впрочем, тогда, когда зарубежным биологам-селекционерам приходится всерьез выполнять сельскохозяйственные фирменные заказы, как это имело, например, место с д-ром Харландом, получившим в Перу заказ на восстановление выродившегося сорта хлопчатника (Тангуис), то им уже не приходится «полагаться на случайные удачи интуиции в искусстве селекции растений»¹¹, им приходится отбросить «ортодоксальный метод чистолинейной селекции, которому рабски следовали многие селекционеры». Позабыв свои недавние злые издевательства насчет «брака по любви» у растений, зарубежным биологам, при выполнении срочного заказа, приходится наспех перестраиваться и следовать по пути открытий советских дарвинистов с опозданием почти в десяток

¹¹ Lewis S. The science of plant breeding „Nature“ 1945, v. 155, № 3934.

лет. Само собой разумеется, такова уж там научная «мораль», что при этом фамилии советских авторов этих открытий «переделываются», и сами эти открытия фигурируют за рубежом под именем, например, новых методов доктора Харланда.

Советский дарвинизм совершенно по-новому поставил и разрешил проблему межсортовой изоляции при выращивании зерновых перекрестно-опыляющихся растений. Колоссальное количество экспериментов, проведенных на селекционных станциях и на участках сортоиспытания, подтвердили выдвинутое акад. Лысенко положение, что для сортов ржи, например, свободное межсортовое опыление полезно. Ныне уже снята тяготеющая над нашими сортоводческими хозяйствами необходимость обеспечивать большую (километровую) пространственную изоляцию посевов ржи, ныне нет уже боязни «биологического засорения» ржи. И это открытие имеет не частное значение. Как и другие, оно основывается на развитом дарвинизме и освещает путь селекции и семеноводству перекрестноопыленных растений вообще. Зарубежным биологам-селекционерам, после долгих и ожесточенных оспариваний истинности этих положений, приходится перестраиваться и со скрипом и запоздало (как это имело место, например, в институте Джона Иннеса и в английском Совете сельскохозяйственных исследований) признаваться в том, что «изоляционные пространства, рекомендуемые в настоящее время семеноводам, основаны, преимущественно на предположениях и желании перестраховаться».¹² Эти запоздалые «открытия» публикуются с попыткой эклектически совместить их с формально-генетическими, мендельянскими воззрениями и опять-таки без указаний на советское авторство этих открытий.

* *

*
*
*

Огромной заслугой перед наукой, перед ее дальнейшим прогрессивным развитием является то обстоятельство, что советский творческий дарвинизм своими открытиями взорвал цитадель метафизики, обосновавшейся в особенности в недрах зарубежной «генетики». Он до основания расчистил авгиевы конюшни мендельянско-моргановской «генетики», показав, что сам предмет этой «генетики», а именно особое «наследственное вещество» измышлен мендельянами и в реальности не существует. То, что мендельянцы выдают за «наследственное вещество», а именно — хромосомы — в реальности есть лишь органеллы среди других органелл и как всякие органеллы и органы они подвержены развитию, образованию *de novo* в процессе индивидуального развития и не наделены непрерывным существованием, вопреки утверждению морганистов. Это последнее указание советского дарвинизма блестяще подтвердилось в новейших тонких цитологических исследованиях советского цитолога П. В. Макарова. Что же касается генного состава хромосом, — то это чистейшее измышление морганистов. Особое «наследственное вещество» — начиненное «генами» — в действительности в природе не существует. Но именно оно, это измышленное не существующее, особое «наследственное вещество» является предметом исследовательской деятельности морганистов. Отсюда — лженаучность самой основы системы морганизма.

¹² Bateman, A. J. Genetical aspects of seed growing „Nature“, 1946, v. 157, № 3997.

В разоблачении лженаучности теоретического содержания менделизма-морганизма советский дарвинизм опирается на блестящие критические работы К. А. Тимирязева, показавшего безосновательность мендельянских притязаний и противопоставившего формальной системе мендельянства дарвинистскую классификацию закономерностей наследственности. Труды И. В. Мичурина являются огромной важности вкладом в советский творческий дарвинизм, и они же послужили тараном большой силы, пробившим брешь в цитадели морганистской метафизики. Все же позднейшие экспериментальные и теоретические достижения советского творческого дарвинизма камнями-на-камне не оставили в системе менделизма-морганизма, разрушили его «закономерности», доказали ложность его предмета, вскрыли его метафизическую антидарвинистскую сущность и обнаружили социально-классовые корни его реакционной идеологии.

Перед лицом фактов творческого дарвинизма и оснащенной им, теоретически перевооруженной действительной науки о наследственности и ее изменчивости, теснейшим образом связанной с биологией развития и по праву называемой мичуринской генетикой, морганистам пришлось в беспорядке отступать. Они вынуждены срочно дополнять «генную» систему «плазмогенной», «пластидной» и т. д., искать себе хотя бы временное пристанище в «вирусологии», пользуясь тем, что в этом учении есть еще пока неисследованные темные места, а по существу им приходится с хорошей миной при плохой игре расписаться в полной несостоятельности своей, недавно выглядевшей столь стройной, системы.

Следует отметить, что и в самой зарубежной биологической науке все более накапливаются факты против морганизма. Большое количество фактов, свидетельствующих против морганистских «закономерностей», накопили микробиологи. Таких фактов немало было доложено на двухсотлетней юбилейной конференции Пенсильванского университета¹³. Дженнингс, докладывая о «наследственности у корненожек», должен был признать, что «выявились некоторые закономерности, чуждые менделизму». Дженнингс показал, например, что если в одном клоне корненожки *Diffugia sogona* в течение ряда поколений размножать особей, модифицирующих в сторону удлинённых шипов и одновременно, также в ряде поколений, размножать особей, модифицирующих в сторону укороченных шипов «то по прошествии многих поколений мы находим, что потомки родителей с длинными шипами имеют, в среднем, более длинные шипы, чем потомки родителей с короткими шипами». Таким образом, индивидуальная модификация, при повторном ее воспроизведении становится наследственным свойством.

Аналогичные факты наследования модификаций получил Иоллос в отношении формы раковины корненожки *Arcella*. Дженнингс ставит вопрос: за счет каких факторов возникают указанные изменения? И отвечает: «имеются данные в пользу того, что в некоторых случаях эти изменения возникают в результате воздействия условий среды, или, по крайней мере, подвержены ее влиянию». Модификации, возникающие в процессе воздействия условий жизни и превращающиеся при длительном воспроизведении в наследственные свойства — эти факты, конечно, ни в какой морганизм не вместишь, эти факты в корне противоречат основоположениям морганизма.

¹³ Cytology Genetics, and Evolution. University of Pennsylvania bicentennial conference. Philadelphia. University of Pennsylvania Press, 1941.

Весьма показательные факты получены Рейнольдсом. Он обнаружил, что если у той же корненожки *Argella* отрезать кусок псевдоподии, то при соприкосновении с материнской особью отрезанная псевдоподия с нею воссоединяется, при соприкосновении с чужой особью — не соединяется. У близко родственных особей, живущих в однотипных условиях, их отрезанные части легко соединяются с чужой особью; у таких же близко родственных особей, но живущих в ряде поколений в различающихся условиях, те же части с такой же чужой особью не соединяются.

Приводя эти факты, Дженнингс вынужден признать: «В опытах Рейнольда мы видим намек на возникновение наследуемых различий в результате различий условий среды».

Широко известны опыты Соннеборна, показывающие, что два эксконъюганта простейших, у которых, по морганизму, должен быть одинаковый генный состав, тем не менее дают различное потомство. Приводя эти факты в своем докладе на упомянутой конференции¹⁴, Соннеборн приводит и другие. Он наблюдал, что у *P. aetelia*, при аутогамии, а также при конъюгации имело место образование макронуклеуса не из микронуклеуса, как обычно, а из фрагментов старого макронуклеуса. «Мы здесь имеем, — отмечает Соннеборн, — чисто вегетативную реорганизацию, не связанную с образованием генетически различных микронуклеусов или новых клонов». И тем не менее здесь были Соннеборном обнаружены «наследственные различия внутри, по-видимому, однородного в отношении генного содержания клона».

Очень демонстративны данные Мидлтона. Путем клоновой селекции *Stylonichia*, у которых нет ни эндомиксиса, ни аутогамии, Мидлтон создал различные наследственные линии.

Приводя все эти и многие другие подобные факты, Соннеборн резюмирует: «подавляющее большинство данных по генетике ресничных... чрезвычайно трудно объяснить на основе ортодоксальной генетики».

Безутешные для морганистской цитогенетики факты устремляются в биологическую науку со всех сторон. Они поступают в нее и из более серьезных зарубежных работ. Они поступают из области животноводства, где индийские ученые Лиаллпур, Карнал, Пуза, английские ученые Дж. Хэммонд, Верджис и друг. вслед за советскими учеными накопили немало фактов о роли питания в породообразовании. Такого рода факты поступают и из области зарубежного растениеводства. Плохо дело с основой основ морганизма, с монополией ядерного «наследственного вещества», если директор садоводственного института им. Джона Иннеса в своем послевоенном отчете¹⁵, на основании фактов вегетативной гибридизации, полученных в его же институте, вынужден говорить о некоей «протеиновой гибридизации» и, резюмируя результаты работ ряда своих сотрудников (Кейди, Крейна и др.), заявлять: «Лишь незначительная часть результатов этой работы укладывается в рамки генетической теории, еще меньшая часть согласуется с теоретической вирусологией». Мы уже имели случай отметить¹⁶, что послевоенная «международная генетическая конференция» радикально отличалась по своему минорному, в отношении морганистских основ, тону от мажорного тона предвоенного «международного генетического конгресса». Сей-

¹⁴ Sonneborn, I. M. Inheritance in ciliated Protozoa (в том же сборнике).

¹⁵ John Innes horticultural Institution, Annual Report for the year 1944 г. I. Directors Report published by the Institution, Cambridge 1945 г. University Press.

¹⁶ И. И. Презент. Дарвинистски-мичуринская биология и зарубежный морганизм. «Агробиология» № 5—6, 1946.

час уже мы можем констатировать, что в настоящее время за рубежом нет целостной системы генетики, а есть лишь осколки самых разнородных установок, которые адепты мендельянства тщетно пытаются склеить и выдать за некую обновленную систему взглядов. Но, как свидетельствует вся история науки, никогда еще эклектика не представляла собой «обновления системы»; в данном же случае она представляет лишь попытку протаскивать ложные воззрения. — Партия середины — самая гнусная партия — так учил великий Ленин, и это в полной мере относится к современной зарубежной генетике, пытающейся сохранить «наследственное вещество», совмещая его с «плазмогенами», «пластидогенами» и т. п.

Правда, есть еще правоверные морганисты, которые пытаются отвести от морганизма опровергающие его факты. У них в запасе на все экспериментальные факты, опровергающие их, есть или голословная ссылка на, якобы, заведомую «нечистоту» исходного материала, или же одно словечко: мутация. Когда при клоновой селекции образуются новые линии — правоверные морганисты говорят: произошла мутация. Когда полученная при определенных условиях развития индивидуальная модификация оказывается наследственной — правоверные морганисты твердят: произошла мутация, параллельная модификации. Когда селекционер, превращая объект живой природы в предмет труда, создает новую породу или сорт, правоверные морганисты опять же твердят: этому человеку просто повезло, он напал на резерв запасных мутаций, который и обнаружился, вскрылся. И так во всех случаях. Однако это спасительное словечко «мутация» рассчитано только на легковерных. Для всех остальных ясно, что «мутация» служит лишь для словесного сокрытия истины. И когда рьяный морганист Раффель пытался объяснить «мутациями» изложенные нами антиморганистские факты из области генетики простейших, то даже Соннеборн, столь сдержанный в отношении решительного отбрасывания морганизма, резонно заявил: «Подобные толкования являются, однако, чисто формальными и как это ни покажется странным, нет такого генетического явления, которое, при соответствующих допущениях, не могло бы быть «объяснено» при помощи мутаций. Для объяснения всех приведенных выше явлений подобным способом пришлось бы часто прибегать к крайне маловероятным предположениям».

Морганизм, как система, в настоящее время полностью разбит. Но осталась его идеология, питаемая реакционными социально-классовыми корнями. Отсюда бешеная ненависть развенчанных лжегенетиков к советскому творческому дарвинизму. Отсюда их попытки спутать все карты и фальсификаторски переименовать советский творческий дарвинизм в ламаркизм.

Но это, опять-таки, рассчитано на, так сказать, легковерных, да к тому еще и не ново. Еще со времен Вейсмана представители лже-генетики, вейсманисты пытались дарвинистам приклеить ярлык ламаркизма. Будучи антидарвинистами, отрицая творческую роль подбора, они, вейсманисты, себе присвоили название «неодарвинистов» для того, чтобы тем легче было своих антиподов, доподлинных дарвинистов именовать ламаркистами. Не было такого крупного дарвиниста, который не был бы вейсманистами зачислен в ламаркисты. В ламаркизме был обвинен В. О. Ковалевский, Лютер Бербанк, И. В. Мичурин. Само собой разумеется, что вейсманистами зачислен в ламаркисты руководитель творческого дарвинизма в Советском Союзе Трофим Денисович Лысенко, ученый, открытия которого, как главы большого коллектива, поста-

вили новую вежу во всей биологической науке, преобразили и подняли на новую высоту самые разнообразные биологические дисциплины (физиологию растений, генетику, селекцию, основы семеноводства, агротехнику), оказали благотворное влияние на экологию растений, по-новому осветили исследовательские задачи экспериментальной зоологии и животноводства, породили новую биологическую науку — биологию развития растений. Вместе с Т. Д. Лысенко зачисляется вейсманистами в ламаркисты и вся огромная армия ученых, представляющая советский творческий дарвинизм в различных областях биологии.

Первым, в свое время был зачислен вейсманистами в ламаркисты Э. Геккель; он был объявлен главой неоламаркистской школы именно за то, что он отстаивал «прогрессивное унаследование», наследственную значимость зависимых от функций уклонений формы, без чего нет создающей деятельности подбора.

Но Геккель раскрыл передержку, допущенную вейсманистами. Он писал: «В Англии теория Вейсмана нашла много сочувствия и названа также «неодарвинизмом», в противоположность нашему более старому пониманию процесса развития как «неоламаркизм». Это название совершенно не оправдывается, так как Чарльз Дарвин был также непоколебимо убежден в основном значении прогрессивного унаследования... Если отрицают последнее вместе с Вейсманом, тогда устремляются в мистицизм, и тогда лучше принять мистическое *Mysteriose* — «сотворение отдельных видов»¹⁷.

Вейсманисты учитывали и учитывают, что в доподлинном ламаркизме есть основные неверные стороны, несоответствующие действительности. Но вместе с тем, есть стороны, принимаемые и ламаркизмом, но обязательные для материалистической теории развития жизни, обязательные для дарвинизма. Подчеркивая в ламаркизме, в качестве, якобы, наиболее характерных для него сторон именно то, что не отличало ламаркизм от дарвинизма, вместе с тем затушевывая действительно характерные для ламаркизма его основные, неверные, по существу идеалистические стороны, принципиально отличающие его от дарвинизма, — вейсманисты втащили в историю науки и протащили через большой ее отрезок жупел «неоламаркизма», пытаясь запутыванием разграничительных линий между двумя направлениями — ламаркизмом и дарвинизмом — опорочить последний. Одновременно, эксплуатируя широкую популярность дарвинизма, вейсманисты, будучи антидарвинистами, отрицающими основу основ дарвинизма — творческую деятельность подбора — сами себе присвоили название «неодарвинистов».

Пора уже покончить с внесенной вейсманистами в историю биологической науки путаницей и фальшивкой.

В самом деле. В чем суть учения самого Ламарка?

Суть учения Ламарка можно выразить в следующих основных положениях.

Первое. Органические формы эволюционируют в направлении усложнения их организации не на основе собственных, им присущих противоречий, не на основе собственных материальных естественных законов, а в силу деистически заложенного в живую природу предначертания «прогресса».

¹⁷ Геккель, Э. Происхождение человека (речь, произнесенная на международном конгрессе в Кембридже), 1898 г.

Второе. Прогрессивная линия эволюции органических форм многообразится благодаря целесообразным приспособлениям организмов к условиям их жизни.

Третье. У всех растений, а также животных низших ступеней организации, у которых нет еще иннервируемого мышечного действия, и, тем более, центральной нервной системы, целесообразное приспособление осуществляется одновременно через проникновение в органические тела неких формативных веществ («флюидов») из внешней среды.

Четвертое. У животных более высоких ступеней организации начальные целесообразные приспособительные изменения осуществляются через связанное с нервномышечной системой «внутреннее чувство», которое, возбуждаясь потребностями животного в пище, в половом удовлетворении, избегании боли и в поисках наслаждений и удовольствия, посылает нервные «флюиды» к соответствующим мышцам, вызывает их деятельность, вследствие чего закладываются зачатки органов, необходимых для удовлетворения потребностей при данных конкретных обстоятельствах.

Пятое. Зачаток органа функционирует, удовлетворяя в какой-то степени потребность животного, и в процессе функционирования приобретает все более адекватную этой функции форму.

Шестое. Благодаря наследственности накапливаются результаты последовательного функционирования, в ряде поколений вырабатываются вполне сформировавшиеся, специально приспособленные к данным условиям жизни органы удовлетворения потребностей. Если же внешние условия изменяются в другом направлении, то это приводит к нефункционированию сформировавшегося органа и к его атрофии в ряде поколений.

Все шесть сформулированных нами положений учения Ламарка далеко не равнозначны по своему соответствию действительности.

Первое положение нацело является четкой Ламарком фактов прогрессивной эволюции глазами деиста. Это положение по своему существу является телеологическим.

Четвертое положение также не соответствует действительности и по своему существу является телеологическим и, одновременно механистическим, так как говорит об образовании целесообразных зачатков органов, как о прямом следствии нужды в них со стороны организма, осуществляемом при помощи неких целесообразно действующих формативных веществ («флюидов»).

Третье положение Ламарка также не соответствует действительности и по своему существу является телеолого-механистическим представлением о существовании во внешней среде неких формативных веществ, целесообразно перестраивающих организм.

Именно по поводу этих, наиболее характерных для Ламарка положений, Ф. Энгельс писал, что «...вся эта внутренняя щель является идеологическим определением. И, однако, в этом заключается Ламарк»¹⁸.

Второе положение Ламарка являлось несомненно исторически прогрессивным, так как впервые в истории биологии

¹⁸ Ф. Энгельс. Диалектика природы. 1932, стр. 57.

с большой силой фиксировало внимание на том, что дивергирующая эволюция органических форм идет через эволюцию приспособлений. Особенно прогрессивными и звучащими вполне дарвинистски являются пятое и шестое положения, указывающие на адекватное функции изменение формы и на возможность наследственной значимости приобретенных в процессе функционирования изменений формы. Последние положения Ламарка целиком вошли в арсенал дарвинизма. И прав дарвинист Э. Геккель, отбрасывающий от себя присвоенную ему вейсманистами кличку «неоламаркиста», указывая, что «Чарльз Дарвин был также непоколебимо убежден в основном значении прогрессивного унаследования, как и его великий предшественник — Жан Ламарк».

В современной биологии есть ряд действительно ламаркистских школ, которые при желании можно назвать «неоламаркистскими» в силу того, что каждая из них принимает и раздувает ту или иную ошибочную сторону учения Ламарка, делает ее стержнем своего учения. Во многих случаях усугубляя ошибки Ламарка и, подчас, извращая его учение. Так, номогенетики утверждают наличие в природе плана не только градаций, но и приспособлений; психоламаркисты утверждают, что эволюция живых существ направляется психикой; механоламаркисты — что отбор нецелесообразных изменений не может иметь места в эволюции, так как именно целесообразные приспособления и растений и животных являются непосредственным и обязательным результатом воздействия среды на организм. Все эти направления в биологии являются врагами дарвинистской теории творческого подбора. Многие из этих направлений с удовольствием принимают и ассимилируют вейсманистские положения. Недаром же номогенетики полностью приемлют мендельянство, недаром же психоламаркисты воспевают де-фризовские мутации. И сам апостол пресловутого «творческого порыва»¹⁹ Анри Бергсон для «обоснования» своего *elan originel*, — «внутреннего порыва, несущего жизнь через ряды все более сложных форм ко все более и более высокому состоянию», апеллирует к де-фризовским мутациям и заявляет, что «теория мутаций глубоко изменяет дарвинизм... Она говорит, что в известный момент после долгого промежутка целый вид захватывается стремлением к «переменам». Недаром же Бергсон, вслед за вейсманистами, говорит «о зародышевых клетках [как о] живущих особой жизнью рядом с клетками тела», недаром же он всячески восхваляет Бэтсона, говоря о «его» замечательной книге, которая, по Бергсону, имеет «глубокое значение и убедительность»; недаром же Бергсон, вместе с вейсманистами, изоцряется в доказательствах невозможности адекватного наследования индивидуальных модификаций, вместе с вейсманистами извращая постановку этой проблемы и сводя ее к вопросу о ненаследовании единовременного, вне функции и вне развития изменения формы²⁰.

В. И. Ленин указывал: «диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами»²¹.

В полной мере то же можно сказать и о врагах дарвинизма. Вейсманизм давно уже вынужден под давлением фактов уступать место

¹⁹ Анри Бергсон. Творческая эволюция. Москва, 1909.

²⁰ См. Анри Бергсон „Творческая эволюция“, стр. 76 и др.

²¹ В. И. Ленин, соч. т. XVI, стр. 322, изд. III.

в биологии развивающемся дарвинизму. Вейсманизм, в лице мендельяно-морганистской школы, окончательно разбит фактически и изобличен советскими дарвинистами в присущей ему реакционной идеологии. Теоретическая победа творческого дарвинизма заставляет врагов дарвинизма переодеваться дарвинистами и кликушески обвинять советских дарвинистов в ламаркизме. Добжанские, Гексли, Дарлингтоны и прочие зарубежные идеологи современного вейсманизма истошно кричат, «что хотя Лысенко считает себя истинным дарвинистом, его утверждения основаны на все сметающей форме ламаркистской наследственности»²²; Лысенко «хочет нас заставить думать, что приобретенные признаки наследуются... Это не более чем наивное ламаркистское учение»²³; советские биологи повинны в постановке «ламаркиантских экспериментов, т. е. экспериментов, предназначенных для доказательства наследования влияния окружающей среды»²⁴.

Неистовство зарубежных лжегенетиков по отношению к советскому творческому дарвинизму понятно. Оно вызывается звериной ненавистью к марксизму, к все более успешной разработке в Советской стране проблем дарвинизма на основе диалектического материализма, ненавистью к большому практическому вкладу, который уже сделал и продолжает все с большим успехом делать советский творческий дарвинизм в дело социалистического строительства. Как же реакционерам от «науки» говорить без бешеной злобы о Мичурине, который «претендовал на осуществление революционного достижения в земледелии и на получение поразительного подтверждения положений диалектического материализма»?²⁵ Пред лицом колоссальных достижений советского биолога, зарубежным «жрецам болтологии», как называл подобных «ученых» Мичурин, юстается только, как это сделал некий Поляний, невразумительно твердить, что «по мнению же науки (какой науки?! И. П.), которое не изменилось и до сих пор, наблюдения Мичурина были только иллюзией, они относились к воображаемому явлению, известному под названием «вегетативной гибридизации». Возможность случаев истинной наследственной гибридизации путем прививок несовместима с самими основами современной биологической науки, и существование такой гибридизации было окончательно опровергнуто формулированием законов Менделя и открытиями цитогенетики»²⁶.

Блажен — кто верует.

Но Поляний — не верует. Он просто злобствует. Он и ему подобные не могут спокойно вынести, что наше советское правительство «пошло еще дальше и воздвигло Мичурину памятник непревзойденного великолепия: оно переименовало город Козлов в Мичуринск»; он и ему подобные Саксы и Дарлингтоны, Добжанские и Джулианы Гексли, зарекомендовавшие себя как матерые клеветники, кричат об отсутствии свободы науки в нашей Советской стране, о «фактической гибели» биологической науки в Советской России. Впрочем надо им посочувствовать. Ведь у них же нет за душой ничего, кроме орудий клеветы и истошного крика, что бы они могли противопоставить вели-

²² Huxley, T. Science in the USSR. Evolutionary biology and related subjects. „Nature“, 1945, v. 156, № 3957.

²³ Th. Dobzhansky. Lysenko's. „Genetics“. The Journal of Heredity. 1946, v. 37, № 1.

²⁴ C. D. Darlington. A Revolution in soviet science. „Discovery“, 1947, v. 8.

²⁵ Polanyi. M. The Autonomy of science, „Scientific Monthly“, 1945, v. 60, № 2.

²⁶ Там же.

колебнейшим теоретическим и практическим достижениям советской биологии, идущей по путям творческого дарвинизма. Ведь сами же сторонники зарубежного вейсманизма, такие, например, как генетики Хедсон и Риченс, выпустившие книгу о «новой генетике в Советском Союзе»²⁷, мобилизуя всю доступную им деликатность выражений в отношении «своих», вынуждены признать, что «недостатки генетики в практическом отношении были признаны во многих странах и многие селекционеры-растениеводы согласятся с тем, что генетическая теория имела мало, или совсем не имела прямого влияния на их практические методы и относительно мало способствовала их достижениям»²⁸. Хедсон и Риченс пытаются это объяснить и оправдать «незрелостью генетической науки». Но, как известно, морганистская генетика существует уже около полусотни лет. Навряд ли в этом почтенном возрасте можно считать ее «незрелой», что, правда, не мешает ей остаться девственно чистой и бесплодной в отношении практических результатов.

Впрочем у зарубежных реакционеров от «генетики» некоторые плоды их деятельности имеются. Но только не производственного, а совсем другого порядка. По существу мендельянски-морганистская концепция была осознанным, а со стороны некоторых — и неосознанным ответом на заказ готовившего свои кадры фашизма. Растущему в Западной Европе и в Америке фашизму нужно было противопоставить марксистскому учению о роли классовых условий в социальной жизни людей противоположное учение, утверждающее, что условия жизни — ничто, а раса, порода — все. Но для этого надо было «обосновать» в качестве якобы, непреложного закона самой природы, что история живых существ — это история расового, наследственного «вещества», независимого в своей качественной специфике от условий жизни. «Обосновать» это надо было на нейтральном объекте, чтобы тем легче было провозгласить такого рода «законы наследственности» основой жизни людей. Не всякие законы наследственности годились для расистских целей, а именно такие, которые бы утверждали независимое, по своему качеству, от условий жизни «наследственное вещество». И ответ на этот заказ не замедлил появиться. Против тех из ученых, которые оставались верны фактическому материалу, был объявлен поход; некоторых из них, наиболее настойчиво отстаивающих свой антиморганистский фактический материал, просто физически уничтожили путем подлогов и диверсий в отношении их экспериментального материала, как это имело место с П. Камерером. Для выполнения заказа по «обоснованию» независимого наследственного вещества были созданы привилегированнейшие условия. Недаром же апостолу современного «неодарвинизма» Томасу Генту Моргану были присвоены многочисленнейшие звания: он стал президентом Американской национальной Академии наук, президентом Американской научной ассоциации, лауреатом нобелевской премии. Недаром же изменнику советской Родины Тимофееву-Рессовскому промышленные концерны фашистской Германии преподнесли громадные машины — установки для получения «мутаций» у дрозофилы. Как свидетельствует Эллинджер²⁹, побывавший в Германии в 1940 г., фашистский персонал Кайзер-Вильгельм-института мозга, где обосновался

²⁷ P. S. Hudson and R. H. Ritchens. The New Genetics in the Soviet Union. Imperial Bureau of Plant Breeding and Genetics. May, 1946.

²⁸ P. S. Hudson and R. H. Ritchens. The New Genetics in Soviet Union.

²⁹ Ellinger, T. U. H. On the breeding of aryaans. The Journal of Heredity, 1941 v. 33, № 1.

Тимофеев-Рессовский, смотрел на сего «генетика» «с интересом и искренним восхищением. Они даже предоставили ему свободу высказываний и мнений, в чем решительно отказывают всему остальному человечеству»³⁰. Каков был характер «свободных высказываний и мнений» этого продавшегося фашистам «генетика», судить не трудно. Не трудно также понять, за что собственно расплачивались большими деньгами магнаты фашистских концернов. Конечно, уж не за изобиловавших у Рессовского «уродов у животных и растений»³¹, не за всех этих «мышей без пальцев или со скрюченными в виде штопора хвостами, мух, нарушавших самое представление о мухах»³² и т. п., а за участие Рессовского в продуцировании именно таких «закономерностей», которые идеологически оснащали рассистов. Это составляло задачу фашистского «института мозга» в целом и задачу Тимофеева-Рессовского в том числе.

И на Западе и в Америке машина по созданию несуществующих «закономерностей» несуществующего «расового вещества» работала полным ходом. Фашистские идеологи и организаторы с удовлетворением приняли выполненный генетиками их заказ. Старый деятель расизма генетик Ленц выразил это удовлетворение, заявив: «Нет таких опытных фактов по наследственности человека, которые противоречили бы менделевским законам»³³. Ему вторил другой расистских дел «ученый», утверждая, что «каждый человек является особой наследственной мозаикой»³⁴. А проф. Куленкамф подводил итоги: природа создала наследственность исключительно для расистских целей. Вооруженные необходимой для их целей «генетикой» государственные фюреры германского фашизма, вроде фашистского министра Рейтора, в своих призывах к населению «быть биологическими солдатами», торжественно провозглашали: «ныне мы исходим из установок, базирующихся на биологии и законах наследственности».

Таковы действительные задачи и действительные «достижения» вейсманистски-морганистской лжегенетики. Таковы итоги маразма и распада идеологических устоев, имеющих место в современной буржуазной биологической науке.

В сопоставлении с этим явлением распада могучий расцвет советского творческого дарвинизма и связанных с ним отраслей биологического знания вызывает законную гордость у советского человека.

Творческий дарвинизм в нашей стране стал поистине народным движением, стал достоянием масс, с именем Мичурина несущих на социалистические поля и в сады, на колхозную ферму и на сортовой участок высокую культуру, претворяющих мичурински обновленный дарвинизм в прекрасное дело социалистического обновления земли.

И на этом фоне весьма безотрадную картину являют собою те из биологов в нашей стране, кто до сих пор еще не понял силу и величие детища советской эпохи — творческого дарвинизма, кто до сих пор еще благоговееет перед уродливым порождением западно-европейской «цивилизации» — менделизмом-морганизмом.

Конечно, и приверженцы лженаучных систем могут иногда, попутно со своими основными беспредметными изысканиями, открывать некото-

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ T. Lenz — Rassenhygiene (Eugenik). Berlin, 1932. Handbuch der Vererbungs.

³⁴ Kühn, Hermentler, Burgdörferi „Rassen Kunde und Rassenpflege“, „Erdkunde-Rassenpflege Bevölkerungspolitik“, 1935.

рые действительные факты. Ведь открыл же арабский астролог Аль-Батани «синус» и частично «котангенс»; ведь дал же астролог Тихо де-Браге зарисовку карты небесных светил, использованную Кеплером; ведь открыл же явления гипноза Меснер. Все такого рода действительные факты прогрессивная наука должна осваивать независимо от источника их происхождения. И если некоторым из большого числа морганистов повезет и они в характерной для их методов лотерее скрещиваний или же в лотерее изменения числа хромосом набредут на некоторые полезные формы растений и животных, то такие формы будут, понятно, полезными, несмотря на то, что они явились довольно-таки редкостным результатом неверных установок, делающих ставку на кладоискательство. Известно ведь, что даже окончательно испорченные остановившиеся часы два раза в сутки показывают время правильно.

Но при этом надо помнить, что отдельные фактические открытия астрологов не лишили астрологию лженаучности ее предмета и лженаучности собственно ей присущих «закономерностей» предсказания судеб. Надо помнить, что все положительные открытия фактов, имеющие иногда место как будто в форватере лженаучных систем, производятся не благодаря такой системе, а вопреки ей; надо строго отличать факты от измышленных «закономерностей», не отъемлемо присущих некоей лженаучной системе, составляющих ее суть.

Попытки же спрятать морганизм за словами «экспериментальная генетика» обречены на неудачу. Морганистские «закономерности» не доказаны экспериментами, а являются не связанными с данными экспериментов домыслами и измышлениями. Действительные доказательства истинных закономерностей — в руках мичуринцев; только наша советская мичуринская генетика действительно основывается на непреложных, многообразных и многочисленных экспериментальных доказательствах, против которых бессильны хитросплетения морганистов. Весьма показателен сам факт появившегося в последнее время у морганистов стыдливого отношения к морганизму, проявляющегося в тщательном избегании названия своего направления, прикрытии его завесой ничего не говорящих слов — «экспериментальная генетика». Но такого рода мимикрия, как и всякая мимикрия в мире разумных существ — не долговечна и легко расшифровывается.

Стыдливый морганизм — это явление говорит о совершившейся идейной победе творческого дарвинизма, говорит о том, что «отношение к дарвинизму в Советской России можно доказать и «от противного», исходя из того факта, что антидарвинисты добровольно перекрашиваются в ней в дарвинистов» (Тимирязев)³⁵.

Советский творческий дарвинизм — действительно еще молод. Но он не нуждается в отношении своих достижений в скидке на свою молодость. Будучи молодым, он в то же время имеет глубочайшие корни в прошлом прогрессивной науки, в особенности в творениях великих русских дарвинистов. Будучи молодым, советский творческий дарвинизм силен своей молодостью, которой предстоит дальнейший еще более могучий расцвет вместе с расцветом нашей Великой Советской Родины.

Ленинградский государственный университет, Кафедра дарвинизма

³⁵ К. А. Тимирязев. Соч., т. VII, предисловие к 7-му изд. „Ч. Дарвин и его учение“.